

АКТРИСА
СУДЬБА

Софья ПИЛЯВСКАЯ:

ВОКРУГ БЫЛИ МИНЫ

Вет. Москва. - 2000. - 7 экз. - с. 8

В день прощания с Софьей Станиславовной Пилявской во МХАТе были завешаны зеркала. Был конец января 2000 года. Софью Станиславовну похоронили на Новодевичьем кладбище в могиле ее мужа, актера Николая Дорохина. В их ряду могилы Книппер-Чеховой, Тарханова, Москвина, Немировича-Данченко. **Она пережила их и вернулась к своим.** Известно, что это ей, Зосе, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова завещала сжечь свою частную переписку. Сама Пилявская просила о том же свою ученицу... Но мало кто знает, что **Софья Станиславовна оставила воспоминания, назвав их «По долгу памяти».** В них она рассказала о своем детстве, об отце, старом большевике, сгинувшем в ГУЛАГе, о МХАТе, которому посвятила всю свою жизнь. Скоро книга увидит свет, мы же предлагаем читателям фрагменты из нее.

В эвакуации

Однажды — это было в 1942 году — наши мужчины почему-то оказались на товарной железнодорожной станции Саратов. Из теплушек выгружали заключенных. Было их много, а охраны — двое красноармейцев. И вдруг наши узнали в этой толпе Николая Робертовича Эрмана и поэта Михаила Вольпина. Были они оборваны, Эрман сильно хромал, а Миша его поддерживал. И получилось так, что наши незаметно их увели. Когда добрались до гостиницы «Европа», где мы жили,

их укрыли в душевой. Выпростав дров и разрешения согреть воду, их долго мыли, все, что на них было, сожгли в этой же топке, а женщины в это время собирали одежду. Дело осложнялось тем, что у Эрмана на ноге было сильное нагноение, ему, как могли, перевязали ногу и привели растерянных «гостей» в наш номер. Мы постарались их накормить, а мужчины пошли к Москвину и рассказали ему всю правду.

Иван Михайлович Москвин решил так: он пойдет к командующему Саратовским военным соединением, расскажет

правду и попросит помощи и врачебной консультации для Эрмана. Он тут же отправился на это рискованное, по тем временам, дело, а наши гости, все еще растерянные, ожидали решения своей участи.

Ждали мы долго, наконец Иван Михайлович явился. Он приехал в военной машине, и, передав моему мужу какой-то документ, сказал: «Вези его в госпиталь и сразу обратно». Как Ивану Михайловичу удалось совершить это чудо, он не рассказал, а приказал готовить грандиозный концерт.

К концу дня муж привез Эр-

мана, ему прочистили рану, сделали перевязку, дали пару костылей и инструкции на первые дни. А концерт для военного начальства был действительно грандиозным — мы сделали все, что могли.

...Была уже поздняя ночь, когда в дверь постучали. Вошел военный и громко спросил: «Эрдман и Вольпин здесь?» Наступила мертвая тишина. Они ответили: «Да. Это мы». И военный, видя наши лица, также громко сказал: «Да вы не пугайтесь, их приглашают в ансамбль НКВД как авторов».

Тут все кинулись этого военного обнимать. Мужчины побежали за «горючим», стали поить посланца и чем-то кормить. На всех гитарах был сыгран туш и даже кричали «ура», а наши герои были радостно возбуждены — начиналась их законная жизнь.

Концерт под бомбежкой

Осенью 1943-го театр отправлял на фронт большую группу артистов для обслуживания частей ВВС Западного фронта. В состав бригады входили: Андровская, Тарасова, Молчанова, Калиновская и я, из мужчин — Станицын, Прудкин, Боголюбов, Дорохин, вокальный дуэт, скрипичный квартет, гитарист Кузнецов. Мы должны были лететь под Смоленск — его только за три-четыре дня до этого отбили у фашистов.

Мы улетали с небольшого военного аэродрома, почти в черте города. Утром спецавтобусом приехали прямо на летное поле. Вышли, сложили свои вещи и стали ждать. Подошли два богатырски сложенных летчика. По мере их приближения послышался легкий перезвон — это звенели их ордена и медали.

Поздоровались, взглянули на багаж, и между ними начался такой диалог: «Сема, как думаешь — взлетим?» — «Так надо взлететь.» — «А ну, пересчитывай их!» Сема нас пересчитал. И другой скомандовал: «А ну, на посадку, товарищи артисты!» И мы, подхватив свои чемоданчики, пошли к самолету.

Летели около двух часов, когда приземлились, показалось, что встречающие немного нервничают, а летчик и штурман, которых мы пригласили на концерт, сказали: «Нам обратно».

Довольно скоро нас довели до окраины Смоленска. Вокруг все было разрушено. Остановились у дома без стены. Недалеко стоял целый двухэтажный дом, правда, почти без стекол. В нем нам и предстояло давать концерт. К нашему приезду в трехстенном доме было приготовлено два помещения для женщин и мужчин. Выйдя из автобуса, мы увидели вдоль дорожек по обеим сторонам протянутую проволоку и на ней плакатики с одним словом: «Мины».

Начали готовиться к концерту. Было уже почти темно, когда нас повели к «концертному зданию». В «зрительном зале» уже плотно сидели и стояли солдаты

и офицеры. Один угол был отгорожен двумя плащ-палатками, туда нас и провели под приветственные аплодисменты.

Концерт начался и благополучно дошел до середины. Объявили Андровскую и Станицына, они должны были играть сцену из «Волков и овец» Островского. Как только Ольга Николаевна произнесла первую фразу: «Я хочу выйти замуж», потух свет и в темноте раздался голос: «Воздух, все по местам».

Муж заранее предупредил меня: «Если что, я буду с Андровской — она в первый раз, Зуева храбрая, а ты будь рядом». Мы все, сбившись в кучу, задержались в темноте, чтобы не попасть в спешащую толпу военных. В одной руке подол концертного платья, а другой мы с Ольгой Николаевной ухватились за Дорохина, и он повел нас, освещая пол маленьким фонариком. Когда мы выбрались из дома, вокруг стало светло — немец повесил «люстры», то есть светящиеся ракеты. С земли стреляло все, даже наганы. Кто-то из военных крикнул: «Скорее в щель, прямо по этой дорожке». Мы побежали. Опять стало темно, стрельба и гул не прекратились. Дорожка привела нас к какой-то яме, в ней были ступеньки, и мы, задрыв еще выше подолы, стали спускаться в эту щель. Там уже были Прудкин, Молчанова и Станицын. Я ударила ногой обо что-то твердое, и мы с Андровской на это твердое сели — спина к спине. Сидели довольно долго, пока не смолкли стрельба и взрывы. Когда осветили фонариком наше убежище, выяснилось, что мы «спасались», сидя на невзорвавшейся бомбе.

Выйдя из укрытия, мы увидели жуткую картину: кого-то уносили, кто-то оставался лежать, кого-то вели под руки — это были наши зрители. Озираясь, мы увидели в целости «концертный зал» и наш трехстенный дом, и откуда-то стали сходить наши. Все, слава Богу, были живы, даже без царапин. Оказывается, Тарасова и Калиновская во время двух налетов стояли под стеной дома, держа над головами сумки — от осколков. Чудо, что они остались целы!

Мы решили продолжить концерт, тем более что зрители уже были на месте, но им было немного просторней...

Бинокль на память

На новую точку нас решили перебросить самолетами. Получилась целая «эскадрилья» из У-2. А ко мне подошел молодой человек в летном комбинезоне и повел к самолету, отличающемуся от остальных. Я услышала голос генерала: «Бандура, приказываю — без штук!» — «Есть без штук, товарищ генерал». Бандура спросил меня: «Будем привязываться или доверяете?» Я прошептала: «Доверяю, конечно». Я сидела на штурманском месте.

Наш «ястребок» взмыл почти вертикально, и я оцепенела,

вцепившись в борта. Потом машина пошла прямо. Бандура, полубернувшись, прокричал: «Молодец, так держать, сделаем облет, есть время!» И повел самолет к какому-то полю.

Я не сразу поняла, что это было место страшной битвы за освобождение Смоленска. Среди порушенной военной техники виднелись небольшие холмы. «Фрицы!» — прокричал Бандура. Это были вражеские трупы. наших погибших воинов уже погребли, а фашистов еще не успели и сложили так.

После этого облета капитан Бандура чинно посадил свой «ястребок» после начала. Устроили нас в землянке, и вот концерт начался — тоже в большой землянке. Зрителей было не очень много, но они сидели, стояли и почти висели где-то под верхним накатом земляного потолка — здесь был весь состав, кроме дозорных и тех, кто был на задании. Концерт прошел хорошо, принимали очень сердечно, а после концерта пригласили к столу, трогательно украшенному основной хвоей. Электродвижок давал мало света и на столе стояли высокие снрядные стаканы с горящими фитилями, как бронзовые большие свечи. Не помню, что

Благодаря фильму «Покровские ворота» это лицо вспомнила вся страна

мы ели, помню — что-то вкусное. Это было делом рук вестового по фамилии Шалапин, о чем нам с гордостью и сказали.

Уже в другой части один летчик рассказал мне, что ему дают десятисуточный отпуск — у него родилась дочь. Я спросила: «Вы полетите?» В ответ было: «Нет, что вы. Я поеду!» Я пожелала благополучной встречи и благополучного возвращения в часть. Летчик покраснел, побелел, сорвал с себя пейсовский бинокль на ремне и надел мне на шею со словами: «Сохранишь — буду жив, с фрица снял — трофейный!» Бинокль этот и сейчас у меня.

А Бандура обещал мне писать и не написал...